

Мара Вейра

РАЗВОД УЖЕ НЕ МОЯ
ПРОБЛЕМА

Мара Вейра

Развод уже не моя проблема

<https://litres.ru/74256352>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Если муж пошёл налево — виновата жена. Всегда».

Именно это говорит свекровь. Спокойно. Почти ласково. Поверх очков.

Соне сорок четыре. За плечами двадцать лет брака, дочь, карьера и полная гостиная чужих правил. Впереди — чемодан и билет на «Ласточку» в один конец.

Для тех, кто хоть раз молчал там, где надо было говорить. Для тех, кто знает, каково это — быть частью интерьера в собственной жизни.

И для тех, кто однажды всё-таки решил стать собою.

Новая жизнь / Семейные тайны / Обратная разница в возрасте

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Чужой запах	8
Глава 2. Радости измен	14
Глава 3. Все не мое	23
Глава 4. Шарлотка	30
Глава 5. Расставания	37
Глава 6. Одна навсегда	42
Глава 7. Незнакомец	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Развод уже не моя проблема

Пролог

— Нет, София! Это не семейная проблема, как ты наивно полагаешь. Глубоко ошибаешься, — свекровь делает паузу, в которой умещаются все двадцать лет моего брака. — Это твоя личная проблема. Я человек честный, уж прости, такой меня воспитали. Юлить не стану, скажу прямо: если муж пошел налево — виновата жена. Всегда.

Свекровь Агриппина Игнатьевна смотрит на меня чуть поверх очков. Зрение у неё и в семьдесят три как у ястреба. Очки носит исключительно для имиджа, чтобы скрыть мешки под глазами. В этом вся Груня: произносит гадости тихим, почти ласковым голосом, а взгляд поверх тонкой оправы тёплый, почти материнский. Будто угостила невестку пирогом.

— Ну что ты, Грунечка, не руби так с плеча, — робко вступает за меня свёкор Иван Петрович. Он сидит на краю дивана, ссутулившись, точно старый гриб, и тербит манжету рубашки. — Сонечка сама расстроена. Может, ещё обойдётся, не обязательно сразу о разводе. Пашка погуляет и домой вернется, к жене. Надо семью сохранить. Сонечка это пони-

мает.

Я молчу. Говорить обо мне в третьем лице в моем присутствии — давняя традиция старших Снежиных. Вставить слово, конечно, можно. Только меня всё равно не услышат: Агриппина Игнатьевна и Иван Петрович беседуют исключительно друг с другом, сколько бы народу ни находилось в комнате. Полвека совместной жизни сделали их гармоничным дуэтом: слаженным и непроницаемым.

Я оглядываю гостиную их загородного дома. Тяжёлые шторы цвета красного вина. Фарфоровые статуэтки на каминной полке: каждая на своем месте, ни одна не сдвинута от правильной оси.

Кресло, в котором я сижу, такое мягкое, что можно провалиться и остаться в нём навсегда.

Клянусь себе за то, что вообще сюда приехала.

А ведь привело меня к Снежиным проклятое чувство долга. Решила, что старшее поколение должно узнать о нашем разводе из первых уст. Просто потому, что это правильно, так как мой муж Павел, судя по всему, сам объясняться не собирается.

Хочет сделать вид, будто ничего не произошло, многоженец хренов.

Ладно. Если тебя не слышат, то нужно спросить что-нибудь.

— Агриппина Игнатьевна, у меня к вам один вопрос. Скажите: чем именно я вас не устраивала в нашем с Павлом бра-

ке?

Свекровь не моргает. Ни секунды замешательства. Только лёгкий наклон головы, будто я спросила что-то совершенно очевидное.

— Сонечка, ну это же понятно, — журчит Груня всё тем же теплым голосом. — Похвально, конечно, что ты дослужилась до заведующей аптекой. Но это, согласись, не наш уровень. Мы — известные, уважаемые люди в этом городе. У Павлуши могла быть партия... более подходящая. Но теперь уж что говорить. Постарайся сохранить семью. Скандалы нам совершенно ни к чему.

— Грунечка, ну не надо так с Сонечкой, — снова встречается Иван Петрович. — Девочки, не ссорьтесь.

Девочки.

Смотрю на эту сцену, и что-то во мне вдруг встаёт на место с тихим щелчком. Как последняя деталь пазла, которую давно искала и, наконец, нашла. Двадцать лет я сживала время от времени в этом кресле. Улыбалась, молчала, старалась соответствовать. Была вежливой, удобной, правильной.

Хватит.

Встаю быстро, как пружина, одергивая пиджак.

— Спасибо за всё хорошее, Агриппина Игнатьевна, Иван Петрович. Я уезжаю. Все вопросы по разводу с Павлом буду решать по возможности дистанционно.

Свекровь и свёкор провожают меня взглядами молча — не вставая с дивана, не говоря ни слова. Только Агриппина

Игнатьевна слегка поджимает губы, словно я нарушила какой-то незыблемый протокол.

Выхожу из душной прихожей на улицу в солнечный апрель, в шум молодой листвы и флер только что прошедшего дождя. Порыв ветра срывает с моей головы лёгкий шарфик, едва успеваю его подхватить. Стою на крыльце, зажмурившись, подставив лицо солнцу.

И только когда начинаю дышать полной грудью, понимаю, что там, в доме, мне было страшно. По-настоящему страшно. Всё это время.

Я навсегда попрощалась со всем, с чем прожила почти половину своей жизни.

И совершенно не знала, что ждёт меня впереди.

Глава 1. Чужой запах

У меня с детства острое обоняние. Редкий дар, который приносит столько же неудобств, сколько и удовольствий. Я одинаково хорошо чувствую и легкий аромат цветущей вишни за окном, и застоявшийся запах сырости в чужом подъезде.

Именно поэтому, едва переступив порог нашей спальни, чувствую: пахнет чужими духами.

Запах едва уловим: призрак аромата, тень присутствия. Но я слышу его отчётливо: мандарин, ваниль и пачули. Молодой, дерзкий, совершенно не мой.

Я пришла после ночной смены — моя аптека уже год работает как дежурная. Павел собирается на работу, завтракает на кухне. Оттуда доносится запах свежего кофе и тостов. Привычное, уютное утро.

— Привет, пришла? — он выглянул в прихожую с дежурной улыбкой. Уже выбрит, в костюме, мыслями давно в офисе. — Ты как?

— Нормально. Возьми пакеты, я в супермаркет заехала.

Иду в спальню снять кольца и серьги, там шкатулка. Мечта одна: рухнуть и проспать часов пять до обеда.

Вот только этот запах.

Застываю посреди комнаты. Медленно оглядываюсь. Всё на своих местах, кровать аккуратно застелена. Павел всегда

заправляет постель, это его привычка. Я открываю шкаф. Пусто, разумеется.

Опускаюсь на четвереньки и заглядываю под кровать.

Там — маленький комоч бумаги у самой ножки.

Сажусь на край кровати и медленно разворачиваю листок. Он оказывается сложенным вчетверо глянцевым постером: «Радости измен. Комедия. Премьера сезона» — наш местный драматический театр. А на обратной стороне вижу несколько слов от руки наискосок, торопливым почерком: «Жду в субботу! Твоя И.»

Сию и смотрю на эту записку.

Странно, но первая мысль не «он изменяет». Первая мысль: я это знала. Всё это время знала, просто не разрешала себе знать.

Открываю смартфон, нахожу афишу театра. «Радости измен» — да, в субботу, начало в семь вечера. Билетов нет.

— Я ухожу! — доносится из коридора.

— Подожди, провожу.

Складываю постер и убираю его в карман кардигана. Интересно посмотреть на изменщика. Мне почему-то казалось, что он будет выглядеть по-другому. Будто это не у меня, образно говоря, рога отросли. А у него должны были появиться.

Но нет. Павел выглядит как обычно: собранный, подтянутый, красивый. При первой нашей встрече в него невозможно было не влюбиться: светлые волосы, ярко-голубые глаза,

типаж звезды Голливуда.

В свои сорок семь он по-прежнему мужчина в расцвете сил: седина еще не тронула волосы, а смотреть умеет так, что забываешь, о чём думала. Спортивная фигура, уверенные движения. Завидный трофей для какой-нибудь молодой и амбициозной претендентки на его сердце.

— Ты очень красивая, — говорит он мне, завязывая галстук перед зеркалом. — Даже когда спишь на ходу.

— Спасибо.

Я знаю, что красивая. В свои сорок четыре сохранила фигуру, густые волосы и правильные черты лица. Многое досталось мне от природы без особых усилий. Но сейчас это почему-то совершенно неважно.

С тех пор как у меня появились ночные дежурства, а у Павла — «сложный период в бизнесе», мы всё реже занимаемся любовью. И всё реже разговариваем по-настоящему. Я начала чувствовать себя частью интерьера: красивой, удобной, привычной. Той, которую не замечают.

— Пока, — говорю я. Стою как вкопанная. Совершенно не хочется, как обычно, прижаться к нему на прощание, уткнуться носом в плечо. Просто стою.

— Сонь, приготовь что-нибудь вкусное на вечер, — говорит Павел, легко целуя меня в щёку. — Сегодня поздно приду, надо кое-что разругать с арендаторами.

Дверь захлопывается. Я остаюсь в пустой прихожей.

«Разругать с арендаторами». Он часто так говорит по-

следние месяцев шесть — «поздно», «дела», «надо разобраться». Приходит около одиннадцати, голодный. Видимо, «Твоя И.» его особо не кормит.

Достаю телефон и пишу дочери в мессенджер: нужен билет на субботнюю премьеру в драме, срочно. Алиса сейчас на занятиях: она студентка института искусств, актерский факультет.

Два года назад, сразу после поступления, Павел купил ей квартиру недалеко от вуза. Дедушка с бабушкой были против театрального, конечно, — что за профессия, несерьёзно. Но дочь с детства бредила сценой, и в конце концов, все решили: пусть учится, шишек набьет — сама откажется. Пока не отказалась.

Через двадцать минут приходит ответ: «Ма, только балкон, но первый ряд, чмоки!» — и следом электронный билет. Я невольно улыбаюсь. Алиса выполнила просьбу и уже забыла о ней. Спрашивать, зачем маме так срочно понадобился премьер, она не станет.

Итак, полдела сделано.

Я всё ещё надеюсь, что это ошибка. Что у постера есть другое объяснение, простое и логичное, которое я упускаю из-за усталости.

Набираю номер Оли, моей школьной подруги. Созваниваемся редко, но метко. Оля — психотерапевт, известный и востребованный в столице. К счастью, у нее сейчас находится свободная минута. Рассказываю историю с постером:

— Оль, я просто не в себе! Не знаю, что делать, если все это будет правдой... Самое ужасное, что через двадцать лет брака он для меня — идеал мужчины. Оль, сейчас трудно встретить человека с таким правильным пониманием, что такое семья, ну вообще... А еще он просто для меня как мужчина — единственный.

— Что ты хотела бы сделать?

Подруга «включает» психотерапевта, я это понимаю. Но мне того и надо сейчас.

— Оль, стыдно признаться, но я хочу сходить в этот театр. Увидеть все собственными глазами. У нас город маленький, думаю — неужели он открыто появится со своей любовницей? Хочу это увидеть!

— Хочешь — так сходи туда, посмотри!

Вот что это за терапевт такой!

Нет, чтобы сказать мне: расслабься, прими ванну, успокойся. А Оля считает, что нужно идти своим путем, пока не отработаешь все, как их... гештальты.

— Оль, до субботы я с ума сойду.

— Поэтому сейчас расслабься, прими ванну, успокойся, — говорит Оля, а я начинаю мысленно хихикать. — И выпишись. Запомни: в нашей тяжелой женской доле главное — хорошо выспаться. И хорошо выглядеть в трудных ситуациях. Люблю!

Прощаюсь с подругой и иду в ванную. Бросаю в воду шипучий шарик с ароматом лаванды, включаю джаз из телефона.

на, опускаюсь в горячую воду. Впервые за утро чувствую, как плечи немного опускаются.

И вспоминаю кое-что.

Десять лет назад, на юбилее нашего брака — двадцать пять гостей, праздничный стол, тост за тостом, — Агриппина Игнатьевна, между разговором о погоде и просьбой передать салат, заметила: «Паша жену на улице подобрал и в приличный дом привез». Спокойно, почти вскользь. Павел промолчал. Попытался обратить все в шутку, мол, мама Груня у нас с юморком.

Потом, дома, уже поздно ночью, я сказала ему, что забираю Алису и уезжаю. Впервые в жизни видела, как он плачет. «Я не смогу без тебя, — говорил Павел, — без тебя, без Алисы, я просто не смогу».

И я осталась.

А теперь вот лежу в ванне, смотрю в потолок и думаю: интересно, будет ли он также плакать теперь?

Театра в субботу прямо не могу дождаться!

Глава 2. Радости измен

Субботнее утро я встретила в шесть часов — сон был беспокойным. Полежала, глядя в потолок, слушая ровное дыхание Павла, тихо встала, оделась и уехала в тренажёрный зал. Там, под ритмичную музыку и монотонный гул беговой дорожки, мне немного полегчало. Тело устало, голова немного прочистилась.

Вернувшись домой, сварила борщ. Долго, тщательно — тот самый, с говяжьими ребрами и кислой капустой, который Павел обожает. Сама не понимала зачем стараюсь: то ли по привычке, то ли чтобы занять руки.

Он появился на кухне, когда борщ уже стоял на плите. Павел пришел заспанный, в домашних брюках, шурясь от света.

— Ах, какой аромат! — муж втянул воздух носом и улыбнулся. — Мой любимый запах любимого борща, который сварила любимая жена.

Он чмокнул меня в макушку. Этот субботний ритуал — поцелуй в макушку над кастрюлей еды — повторялся столько лет, что превратился в рефлекс. Раньше мне это нравилось. Казалось уютным, тёплым, нашим.

Сейчас я еле удержалась, чтобы не отстраниться.

— Может, выберемся сегодня вечером куда-нибудь? — спросила я, не оборачиваясь от плиты. — В кино. Или в ресторан.

— Сонечка, я бы с удовольствием, но сегодня в семь вечера у меня встреча. Очень важная.

Я обернулась и посмотрела на него. Просто посмотрела: молча, чуть удивлённо, как человек, который ещё не знает.

— В выходные? — произнесла я мягко.

Павел чуть заметно напрягся: признак легкого раздражения, который я научилась читать за годы совместной жизни.

— Да, понимаю, Сонь, выходные. Но так сложилось. Из Москвы приехал представитель крупной сети, там очень перспективный, «вкусный» тендер намечается. Придётся гостя ублажать: поведу в ресторан, то-сё... Бизнес есть бизнес, не всегда бывают выходные. Прости, зайка.

«Зайка». Сорок четыре года этому «зайке».

— Хорошо, медведик, — ответила я ровно. — Тогда я с девочками нашими потусуюсь. Нина приглашала на день рождения, я хотела отказаться, а теперь съезжу. Вы в какой ресторан идёте?

— М-м, пока не решили.

— Мы, как всегда, в «Лотосе». Ты же знаешь.

— А, ну мы в какое-нибудь более помпезное место гостя поведем.

— Понятно. Тогда на вечер ничего не готовлю, поеду в парикмахерскую.

— Да, зайчонок, а я борщика поем!

Он уже тянулся за тарелкой. Довольный. Спокойный. Абсолютно спокойный.

Я отвернулась к плите.

Сердце сжалось болезненно, туго, как мышца при судороге. Ложь.

Захотелось выйти из кухни, закрыть за собой дверь ванной и разрыдаться. По-настоящему: некрасиво, не сдерживаясь. Но я не могла себе этого позволить. Не сейчас, не здесь, иначе вся моя задумка с театром рассыплется.

Я поставила тарелку перед мужем, налила борщ и сказала себе: потом. Поплачешь потом. А пока — соберись.

Вспомнилось старое, почти забытое. Та девочка, которая брала первые места на олимпиадах по химии, а потом выиграла вузовский конкурс «Краса фармации» и не краснела от победы, потому что заслужила её честно.

Та, что умела идти вперёд не оглядываясь.

Соня, возьми себя в руки, сказала я себе. И не думай, будто что-то ещё можно исправить. Если муж пошел налево — будет идти, пока лоб себе не расшибёт. Не стоит ставить ему подпорки.

Пока Павел с аппетитом поглощал мой борщ, я пошла в спальню.

Из дальнего угла шкафа достала японское платье черничного цвета — давно не надёванное, купленное в один из тех периодов, когда мне ещё хотелось нравиться самой себе. К нему — чёрный кардиган и шведские полусапожки из мягкой кожи на высоком каблуке.

Разложила всё на кровати и посмотрела на этот наряд как

на союзника.

Потом — салон красоты «Модерн», куда я, разумеется, записалась ещё вчера. Стрижка, укладка, маникюр, брови. Всё включено.

Из «Модерна» я вышла такой, что впору снова идти на конкурс «Краса фармации». Посмотрела на своё отражение в витрине и подумала: ну, здравствуй.

В театре у меня было скромное место на балконе в первом ряду. Отсюда хорошо видна и сцена, и «директорская» ложа справа, почти над сценой.

Я нашла Павла взглядом сразу, едва вошла.

Он сидел в ложе рядом с темноволосой девушкой лет двадцати семи в платье цвета фуксии, с тонкими запястьями и очень прямой спиной. Они о чём-то говорили, наклонившись друг к другу, и она засмеялась, запрокинув голову, легко, как смеются люди, которым хорошо.

Я смотрела на них и думала, что мне должно быть больно. Именно сейчас надо бы почувствовать что-нибудь острое, рвущее — ревность, отчаяние, ярость. Но вместо этого мои чувства словно замерли. Странно тихо. Как будто все уже случилось раньше. А сейчас я просто смотрю на подтверждение того, что давно знала.

Рядом со мной перешептывались две пожилые дамы, обе смотрели в сторону ложи.

— Это Павел, сын Снежина Ивана Петровича, ну того, что был главой администрации, помнишь? — объясняла од-

на другой. — А рядом с ним — Колокольцева, Инга Геннадьевна, она сейчас возглавляет молодежное управление. Как голубки сидят!

Начальница управления — это не заведующая аптекой. Груня будет довольна.

Спектакль я смотрела внимательно и даже, как ни странно, с удовольствием. Актёры играли измены легко, с иронией и почти нежной насмешкой над человеческой природой. В зале смеялись. Я тоже, пару раз. Тема была, что называется, близка.

Только к своей жизни я не хотела примерять эту лёгкость. Делить мужа с кем бы то ни было — пусть даже с начальницей управления — я была не готова.

Из зала я выходила в толпе театралов не торопясь, нарочно чуть замедлив шаг у выхода. На лестнице мы столкнулись почти нос к носу.

Павел увидел меня и на долю секунды застыл. Я слишком хорошо его знала, чтобы не заметить желания сделать вид, будто мы незнакомы.

Я не дала ему этой возможности.

— Привет! — шагнула к нему, как будто именно здесь и ожидала его встретить. Обняла, прижалась на секунду и почувствовала, как он напрягся. — Вот так встреча!

— Привет, — Павел неловко высвободился из объятий, пытаясь одновременно слегка отодвинуться от Инги, которая прижалась к нему справа, и сделать это не слишком явно.

Я взяла его под руку слева и пошла рядом спокойно, будто прогуливаясь. Инга оказалась по другую сторону. Люди вокруг бросали на нас взгляды.

— Как здорово, что мы встретились! — продолжала я тем же тоном светской болтовни.

Внизу Павел, наконец, собрался с духом:

— Инга Геннадьевна, это моя жена София. Соня, это Инга Геннадьевна — начальник управления молодёжной политики.

— Очень приятно, — Инга протянула руку с отработанной светской улыбкой.

Я едва скользнула по этой руке взглядом, слегка кивнула и повернулась к Павлу с выражением легкого недоумения:

— Надо же... А ты говорил про какой-то «вкусный тендер» и московского представителя. Странно...

Инга поджала губы. Секундная пауза — и я почувствовала, что она готова ответить. Что-то резкое и ядовитое.

Я не стала ждать.

— Паша, ты домой?

— Да, конечно, — он отделился от Инги, торопливо с ней попрощался и пошёл за мной.

До дома мы ехали каждый на своей машине. В эти двадцать минут я успела почувствовать всё, что так старательно откладывала весь день: и злость, и настоящее горе, и острое, почти физическое ощущение утраты — не мужа, нет. Другого. Той версии нашей жизни, которую я, оказывается, всё

ещё продолжала беречь в душе.

В подъезде Павел догнал меня, взял за плечи и развернул к себе.

— Что за цирк ты устроила, Соня?!

Из лифта вышла соседка. Мы поздоровались, поднялись молча. И уже дома, едва закрылась дверь, Павел сказал:

— Нам нужно серьёзно поговорить.

— Да, — согласилась я. — Скажи сразу: Инга — твоя любовница?

Он усмехнулся коротко, чуть напряженно.

— Не прошло и года, как ты поняла.

Вот и всё. Никаких оправданий. Никакого «ты ошибаешься». Просто усмешка, почти снисходительная.

Я почувствовала, как сердце проваливается вниз глухо, как камень в воду. А потом, через удар, поднялась злость. Чистая и горячая.

— Значит, я готовила тебе борщи, стирала рубашки, следила за домом, дежурила ночами в аптеке... А ты...

— Сонь, не пыли, — он поморщился с таким видом, словно его вынуждают заниматься неприятным делом. — Успокойся и раскинь мозгами. Устраивать скандалы не в твоих интересах. Выпей воды, остынь... Да, я люблю Ингу. Она по-настоящему живая! Как тебе объяснить... с ней я тоже чувствую себя живым. И у нас много общего, так бывает.

— Интересно. Что же общего у тебя с человеком на двадцать лет моложе?

— На девятнадцать с половиной, — он поправил так, словно мы занимались снятием показаний счетчиков. — У нас с ней общий неумемный интерес к жизни во всех её проявлениях. К сексу, в том числе. Прости, но я ещё не готов к пенсионерским удовольствиям, таким как твои картины по номерам...

Вот это было уже точно в цель.

Два года назад картины по номерам увлекли весь наш аптечный коллектив. Мы раскрашивали их вечерами, обсуждали, хвалились друг другу. Павел тогда сказал что-то про «пенсионерское хобби» небрежно, посмеиваясь.

Я не ответила. Просто тихо выбросила все свои картины.

И сейчас поняла: я тогда уже начала уменьшаться. Становиться тише, незаметнее, удобнее. Убирать то, что ему не нравилось. И вот к чему пришла.

Пока я молчала, Павел сделал шаг ближе и мягко обнял меня, почти нежно. Как обнимают того, кого хотят успокоить и одновременно убедить.

Плечи дернулись как от удара током. Я отстранилась.

— Соня, мы прожили вместе двадцать лет. У нас замечательная дочь. Это многого стоит. Я понимаю, что ты расстроена. Но подумай: что ты теряешь? У тебя есть всё: квартира, положение, любимая работа...

— И что ты предлагаешь?

— Я не собираюсь тебя бросать, — голос Павла был почти добрым. — Не бойся. Ты моя жена, ею и останешься. А Инга

— это другое. Поздняя любовь. И последняя. Инга ничего не требует, не претендует на наш брак. Мы вполне можем существовать так как будто...

Он продолжал рассказывать, какой прекрасной будет наша жизнь втроем.

Я слушала молча.

Павел говорил обстоятельно, почти деловито, выстраивая конструкцию нашего существования: жена здесь, любовница там, всем хватит места, никто не пострадает. Мне даже, по его расчётам, кое-что перепало: стабильность, статус, иногда секс. Ну и материально, мол, не теряю.

Я слушала и думала о борще. О том, как вставала в шесть утра. О выброшенных картинах. Как двадцать лет убирала из своей жизни всё, что могло ему, его родителям, не понравиться. И в итоге убрала так много, что почти перестала замечать: вообще все, что дорого мне, исчезло.

Когда он закончил, я сказала:

— Паша, я все хорошо поняла. Ты меня не бросишь. Но дело в том, что брошу тебя я.

Павел смотрел на меня и раздумывал.

Первый раз за весь вечер не знал, что сказать.

А я почувствовала, как в груди то самое, сжатое с утра, наконец отпустило.

Глава 3. Все не мое

Пауза затянулась. Павел молчал, будто собираясь с мыслями. Я стояла посреди гостиной и смотрела на мужчину, с которым жила бок о бок и которого, оказывается, совсем не знала.

— Хорошо, София, — наконец произнёс он ровным, почти скучающим голосом. — Давай только присядем, вот сюда, в кресла. И спокойно всё обсудим.

Спокойно. Я едва не засмеялась.

— Давай, — сказала я и опустилась в кресло, просто ноги уже не держали.

— Я понимаю твоё состояние, — начал Павел, скрестив руки на груди. Тон абсолютно деловой, словно и не было у нас с ним двадцати лет совместной жизни, «и в радости, и в горе». — Ты сейчас на эмоциях. Поэтому для дальнейших размышлений дам тебе весь расклад: с чем останешься после развода.

Я взглянула на него с почти отстраненным интересом. Всегда знала, что мой муж — деловой человек. Но не думала, что однажды окажусь в роли его проштрафившегося партнёра.

— Даже твоя машина записана на меня, — продолжал Павел, определенно получая удовольствие от каждого слова. — Я уже не говорю о квартире, даче и прочем имуществе. Ты

приехала в этот город ни с чем. С этим и уйдёшь. Недвижимость, на которой я зарабатываю, досталась мне от отца до регистрации нашего брака. Твоей доли там нет, и претендовать ты не можешь. Можешь, конечно, попробовать посудиться.

Последнее он произнес с такой ленивой усмешкой, что у меня перехватило дыхание. В его глазах было столько уверенности в собственном могуществе, что все слова возмущения вдруг намертво застряли в гортани.

Двадцать лет рядом — и ничего? Ни-че-го?

Вспыхнувшее было желание доказать, закричать угасло от одного этого взгляда. Я смотрела на Павла и видела абсолютно чужого человека.

Немолодой мужчина, уверенно движущийся к своему пятидесятилетию. Сильный, состоявшийся и уже чувствующий, как на горизонте маячит старость.

Я со своими борщами, аптекой и десятилетиями верности была для него лишь одним из символов прожитых лет. Прошлым. А Инга — молодая, яркая, устремлённая вперёд — давала ему иллюзию, что он всё ещё молод и всё ещё может. «Много общего», ну конечно!

В принципе, всё понятно. Только от этого не легче.

Я медленно вдохнула. Выдохнула. И ответила тоже по-деловому, хотя всё во мне горело.

— Поняла, Паша. Сейчас у меня нет ни сил, ни ресурсов затевать с тобой раздел имущества. Но не исключаю, что су-

дебный процесс ещё будет. А развестись мы можем в ближайшее время — с твоими-то связями это не проблема.

— Ресурсов? — Павел рассмеялся некрасиво, с каким-то злым весельем. — Я твой единственный ресурс, Соня. Или ты уже ощутила себя жительницей столицы? Хочешь туда вернуться? Ну-ну, — он откинулся на спинку кресла, прищурился. — Хочешь лишить родную сестру дохода от аренды твоей квартиры? Подумай хорошенько. Даю тебе три дня. Столица — город больших возможностей, не спорю. Но тебе уже сорок четыре. Кому ты там нужна?

— Себе нужна, Снежин.

Я сама не поняла, почему назвала его по фамилии, так, как называла в первые годы нашего знакомства. Тогда он был младшим сотрудником захудалого НИИ, а я — перспективной выпускницей университета с горящими глазами и целым миром впереди.

Потом Иван Петрович смог-таки вытянуть сына из Москвы, обеспечив ему безбедную жизнь в родном городе. А я поехала за ним. Как жена декабриста. По любви, не раздумывая, поначалу даже без штампа о регистрации брака в паспорте.

Какой же я была дурой.

Пока я сидела, погруженная в воспоминания, Павел набирал чей-то номер. Вышел в коридор, говорил тихо. Через несколько минут вернулся собранный, почти оживленный.

— Соня, я сегодня не буду ночевать дома. Раз ты всё зна-

ешь, нет смысла скрываться. Побудь одна, подумай.

Он даже потянулся ко мне по привычке, чтобы поцеловать в щёчку на прощание. Но вовремя остановился. Убрал руку. И вышел.

Я долго сидела в тишине пустой гостиной, глядя в никуда.

«Завтра позвоню сестре и дочке. Надо придумать, как всё объяснить Алисе. Утро вечера мудренее», — решила я, в конце концов, и побрела в ванную смывать макияж и всё остальное, что смыть было уже невозможно.

Но утро оказалось ничуть не лучше.

Дочка позвонила часов в десять утра. Я уже давно была на ногах, но для Алисы в выходной это еще время сна.

— Мама, мама! — в трубке звенело от возбуждения. — Ты не представляешь!

— Ты выиграла миллион в спортлото? — попыталась я улыбнуться.

— Нет, мам, круче! Я иду на просмотр в наш Театр молодёжи! Слушай, мне сегодня утром позвонила... — голос дочки на секунду осёкся от торжественности момента, — Инга Геннадьевна Колокольцева! Начальник городского управления по делам молодёжи. Лично! Представляешь?

— Не-е-ет, — вырвалось у меня. Голос куда-то подевался.

— Ну вот! Она сказала, что я попала на отбор в студенческую театральную группу. Сегодня просмотр, но это уже, считай, формальность — меня рекомендовали преподавате-

ли. Мама, это же мечта!

— Дочь... я тебя поздравляю. Это... это прекрасно.

Слова выходили правильные, но голос предательски не слушался.

— Да, ма, всё, целую! По итогам позвоню!

— Алиса! — крикнула я, не давая ей отбиться.

— Да, мам?

— Дочка, ты можешь приехать ко мне... к нам после просмотра? Попьем чайку, поболтаем, все расскажешь

— Хорошо, заеду. Только ненадолго, ладно? Надо же это все будет с девчонками обсудить! Все, чмоки! Жди!

Гудки. Тишина.

Итак, ответные действия начались. Враг не гнушается ничем, не побрезговал использовать даже ребёнка. Театр и сцена — это мечта Алисы с десяти лет. Если я сейчас начну отговаривать её, то просто потеряю дочь. Объясню ей всё при встрече. Потом.

Я набрала номер сестры. Лена — старшая, между нами девять лет, и мы никогда не были особенно близки. Созваниваемся по случаям: дни памяти родителей, дни рождения, редкие праздники.

Поэтому голос сестры звучал настороженно — она сразу почувствовала неладное.

— Софа? Что случилось?

— Случилось, Лена. Я развожусь с Павлом.

Пауза.

— С чего это вдруг?

— У него другая женщина, любовница. На двадцать лет моложе и при должности.

— И что, разводиться теперь из-за этого?

Я стиснула телефон. Глубоко вдохнула.

— Лена, мой муж мне изменяет. Открыто. Не скрывает.

— Он тебя из дома гонит?

— Нет, — горько усмехнулась я. — Наоборот. Предлагает оставить всё как есть. Говорит, его на нас обеих хватит.

— Соня, тебе что — шестнадцать лет? Не налюбилась? Дочь взрослая, квартира, дача, машина. Всё при тебе. Ну, заведи и ты себе любовника! Живите и радуйтесь. Что людям вообще надо?

— Лен, я так не могу. И потом — ты думаешь, Павел спокойно отнесётся к моему любовнику? Нет. Ему можно жить на две семьи. А я должна дома сидеть с пирожками и ждать, когда соизволит заехать.

— Ладно, Сонь, — вздохнула Лена. — Ты приезжай на недельке. Посидим, винца возьмём, всё обсудим.

— Сестра, я не на посиделки приеду. Возвращаюсь. Насовсем. Пожалуйста, реши вопрос с квартирантами.

Молчание. Потом — другой голос. Серьёзный.

— Когда планируешь приехать?

Вот и всё. Сестра меня поняла.

— Тебе недели хватит всё порешать?

— Ты как в воду глядела, — помолчав, ответила Лена. —

У меня как раз супружеская пара съезжает, купили жильё в Подмосковьё. Через три дня квартира будет свободна.

— Спасибо, Лена. Жди меня.

Я нажала отбой и ещё долго держала телефон в руках.

Что бы между нами ни было — всё же родная кровь.

Оставалось поговорить с Алисой. Я чувствовала, что разговор будет нелегким.

Но не представляла — насколько.

Глава 4. Шарлотка

Алиса влетела в прихожую в радостном возбуждении. Пальто нараспашку, щёки горят румянцем, в глазах — сияние. У меня на секунду сжалось сердце. Она была такой же, как в детстве, когда прибегала из школы с пятеркой: вся в радостном порыве.

— Мама, меня взяли! Это просто... я как в сказку попала!

Ее легкие фруктовые духи смешались с теплым духом яблочного пирога, который ещё остывал на решётке. Я стояла в дверях кухни и улыбалась:

— Раздевайся, пойдём на кухню, расскажешь всё по порядку. Я шарлотку испекла твою любимую, с творогом.

— Ма-а-а! — Алиса прижала ладони к щекам с видом человека, которому предлагают невозможное. — Ну мне теперь худеть же надо будет! Актриса, между прочим! А ты с шарлоткой...

Но уже через мгновение она сидела за кухонным столом и с несчастным выражением лица смотрела на тарелку с щедрым золотистым куском.

— Ладно. Последний раз и всё! Больше никаких шарлоток.

— Ни за что, — согласилась я абсолютно серьёзно.

Я налила нам чаю — крепкого, с бергамотом — и устроилась напротив, наблюдая, как дочка уминает пирог, не в си-

лах остановить ни вилку, ни язык.

— Ну, в общем, мам, там был отбор в студенческий состав для участия в массовых сценах, ну и мини-роли возможны. В настоящих спектаклях, — она делала паузы только для того, чтобы откусить следующий кусок. — Почувствовать сцену, атмосферу, живой зал... Мам, ты понимаешь, что это такое?

— Понимаю. И как проходил отбор?

— Нас было пятеро. Все по рекомендации с факультета, а взять должны были троих. Надо было с ходу играть отрывок, с листа — один раз дали прочитать, и вперёд! — она округлила глаза. — Мам, реплики нам давал сам Громов Борис!

— Это...

— Это ведущий актёр! Герой-любовник, самый главный! Ух! — Алиса мечтательно закатила глаза к потолку.

— И ты не растерялась на сцене?

— Мам, ну я сцену вообще не боюсь, наши даже завидуют, — она чуть порозовела от удовольствия. — А потом пришла в зал сама Инга Геннадьевна! И папа пришёл, ты ему сказала, да? Когда объявили, кто прошёл отбор, артисты устроили маленький концерт. И, мам, Колокольцева сама пела! Представляешь?

— Сама пела? — я старательно изобразила восторг. — И что же?

— «Бесаме мучо», у неё голос настоящий оперный!

Целуй меня крепче, значит.

Я держала кружку обеими руками и чувствовала, как го-

рячий фаянс согревает пальцы. Еще минуту назад мне казалось, что сумею улыбаться вечно. Теперь — нет.

— Алиса. Мне нужно поговорить с тобой серьезно.

Что-то в моём голосе — интонация или пауза, или просто то, как я поставила кружку на стол — заставило дочку замереть. Улыбка медленно сошла с её лица.

— Мам... что-то случилось?

— Да. Алиса, мы с твоим отцом разводимся.

Тишина. Чайник на плите тихо щелкнул остывая. За окном прошелестел ветер в зеленеющих ветках.

— Это шутка?

— Нет. И я уезжаю жить в Москву. Если хочешь — давай со мной.

Алиса молчала секунду. Потом откинулась на спинку стула и сказала деловито, совсем не так, как я ожидала:

— Нет, мам. Ну как я сейчас поеду? У меня конкретная возможность: театр, где каждый спектакль — аншлаги, сценический опыт... Вот закончу театральный и тогда рвану к тебе, столицу покорять, — она на секунду помолчала. — Слушай, а зачем вы разводитесь? Чтобы московскую квартиру не потерять?

Я смотрела на неё и думала: вот откуда в девятнадцатилетней девочке этот прагматизм? Когда она успела стать такой?

— Квартира ни при чём. Разводимся не «зачем», а «почему», — я выдохнула. — Алиса, прости, что говорю тебе это.

Но ты уже взрослая. Твой отец полюбил другую женщину.

Все во мне сжалось, когда я произнесла это вслух. Имею ли право вот так, в лоб, обрушить это на неё?

Но Алиса смотрела на меня с такой снисходительной, почти ласковой усмешкой, что я на мгновение почувствовала себя растерянной матерью при мудрой дочери.

— Ма, да он всегда только тебя и любил! Седина в бороде — бес в ребро, слышала такое? Перебесится и вернется. Никуда не денется. Потерпи немного, и все пройдет!

Слушала и не верила ушам. Откуда у неё эти житейские прописные истины? Из театрального? Из интернета? Из жизни, которую она ещё толком не жила?

Я опустила голову, собираясь с мыслями, заговорила медленно и чётко, как умеют говорить только очень усталые люди:

— Алиса. Я не прошу у тебя совета. И разрешения на развод тоже не прошу. Просто ставлю тебя перед фактом: мы расстаёмся.

— То есть я как бы ни при чём? — хмыкнула она.

— Ты причём. Но я не хочу перекладывать на тебя ответственность за это решение. Поэтому просто говорю, что происходит.

— Ладно. А кто она?

— Ты о ком?

— Кто эта женщина, которую папа «полюбил», как ты выражаешься.

Я помедлила. Один удар, самый неприятный.

— Это Колокольцева. Инга Геннадьевна.

Алиса дёрнулась назад так резко, что стул скрипнул по плитке.

— Вау! — она не смеялась, смотрела на меня с изумлением: — Ну вы даёте...

— Алиса. Ты взрослый человек. «Посмотри на сегодняшний отбор другим взглядом», — я говорила тихо, но каждое слово падало словно камень в воду. — Она позвонила тебе утром, а я сказала отцу о разводе только вчера поздно вечером. Тебе не кажется, что твоё устройство в театр — это просто... способ тебя удержать, подкупить? Или наказать меня? Тебя используют, дочка.

Что-то изменилось в её лице. Не сразу. Сначала она продолжала смотреть на меня с той же спокойной внимательностью. Потом взгляд стал жестче.

— Подожди. Правильно я понимаю: это не он с тобой разводится, а ты с ним?

— Какая разница...

— Есть разница. Отец не подавал на развод?

— Никто ещё не подавал. Я подам заявление и уеду.

— Понятно, — Алиса встала. Аккуратно положила вилку на тарелку. Этот маленький жест аккуратности на фоне всего остального резанул меня острее, чем крик. — Спасибо за шарлотку. Больше мучного не ем.

Она отправилась в прихожую. Я вышла следом и присло-

нилась к дверному косяку наблюдая.

Алиса одевалась быстро, зло: рывком накинула пальто, наматала шарф слишком туго, не так, как обычно, когда она подолгу разглядывала себя в зеркале. Щёки снова горели, но теперь уже не от радости.

Я молчала.

Она должна была принять произошедшее сама. Решить: остаться рядом с нами обоими или выбрать сторону. Я не имела права торопить её.

Алиса схватила сумку — резко, шумно — и уже у двери обернулась. Смотрела на меня секунду, и в этом взгляде было столько всего: обида, растерянность, злость. А под всем этим беспомощное, совсем детское.

— И знаешь, что я поняла? — ее руки крепко сжимали ремень сумки. — Ты считаешь меня бездарной. Не веришь, что меня могли взять без знакомств. Ну что же. Если папа и другие люди ценят меня больше, то я остаюсь с ним.

— Пока.

Дверь захлопнулась.

Не просто громко, а с той силой, с которой человек вкладывает в удар всё, что не смог сказать словами.

Я стояла в прихожей и слушала, как затихают ее шаги на лестнице. Из кухни тянуло остывающей шарлоткой. На вешалке осиротело качался забытый дочкой пояс от пальто.

Хлопок двери отдавался в груди ещё долго тупой, гулкой болью. Как бывает после удара, когда боль приходит не сразу,

а после.

Больно.

Очень больно.

Я и не ждала, что будет легко. Но почему-то думала, что дочь — это другое.

Глава 5. Расставания

На работе меня уволили в два счёта. И, сказать честно, это было неприятно.

Да что там — стало для меня потрясением.

Собираясь на прием к директору филиала, я прокручивала в голове заготовленные возражения. Полагала, что Антонина Петровна начнёт уговаривать остаться, взывать к совести и нашей многолетней совместной работе.

Может, напомнит про сложный квартал, про новую инвентаризацию, про то, что замену мне так просто не найти. Я морально готовилась держать оборону. Репетировала, как буду стоять на своём, не позволю разжалобить себя.

Антонину Петровну за глаза мы звали просто Петровной. Мне она всегда нравилась: из тех женщин, что и коня на скаку остановят, и в горящую избу войдут, и врагов придавят если не словом, то собственным весом.

Надежная. Непробиваемая. Своя.

Она напоминала мне маму, которая возглавляла крупное предприятие и вот так же была для всех надежным тылом до последнего дня своей жизни...

За долгие годы мы с Петровной разрулили не один десяток проблем. И чего греха таить, выпили за всё это время, пожалуй, несколько бочек её любимого красного сухого. После особенно тяжелых дней на столе у неё появлялся штопор

и два бокала, и она говорила своим фирменным хрипловатым голосом: «Ну, Соня, давай разберемся по-взрослому».

Я заранее смирилась с тем, что придётся отрабатывать две недели, и была к этому готова. К тому, что так просто меня не отпустят.

Но не к тому, что произошло на самом деле.

В кабинете Петровны, как всегда, витал аромат чуть горьковатых духов. Жалюзи были полуприкрыты, и сквозь них пробивалось уходящее солнце, полосами ложилось на стол.

— Жаль терять такого перспективного сотрудника, — ровным, почти скучным голосом произнесла Антонина Петровна, едва я успела выговорить своё «мне нужно уволиться, и желательно поскорее». — Но, конечно, мы пойдём навстречу. Трёх дней хватит, чтобы дела передать? Раньше не получится, нужно тебя рассчитать по бухгалтерии до увольнения.

Она неспешно крутила в пальцах очки — тонкие, в роговой оправе, которые надевала исключительно для чтения вблизи. Этот жест я знала наизусть.

Пятнадцать лет мы работали бок о бок, сначала в муниципальной сети, потом здесь. Все эти годы я слышала, как она поскрипывает оправой во время трудных разговоров. Обычно это означало, что она думает. Сейчас — что разговор для нее уже закончен.

Я считала наши отношения почти дружескими. И именно поэтому её спокойствие — безмятежное, почти равно-

душное — резануло меня острее, чем ожидала. Директор не спросила, почему я ухожу. Не поинтересовалась, всё ли в порядке, не предложила подумать.

Просто кивнула и всё. Как будто я сообщила ей о переносе совещания, а не о конце многих лет совместной работы.

— Ну хорошо, — я постаралась, чтобы голос звучал ровно, и почти справилась. — Кому передать дела?

— Давай Лерочке. Побудет исполняющей пока.

— Лерочке? — я невольно запнулась. — Она же... не самая опытная. У нас — без малого год, Антонина Петровна. Она ещё квартальный отчёт ни разу не сдавала самостоятельно.

— Соня, надо давать дорогу молодым, — Петровна впервые за весь разговор посмотрела на меня, а не сквозь меня. Взгляд чуть снисходительный, как у человека, которому давно всё ясно, и он немного устал от того, что остальные ещё не успели догнать. — Пусть попробует. Ты согласна?

— Антонина Петровна, — я слышала собственный голос как будто издалека, — вам с ней работать...

— Ну вот и славно, — Петровна мягко, но непреклонно прикрыла этот разговор, как закрывают папку с делом. — Иди в приемную, пиши заявление. Расчет по зарплате завтра получишь, я бухгалтерию подгоню. Может, даже сегодня.

То есть меня попросту выпроваживали. Мягко, культурно, почти заботливо, но выпроваживали. Дверь за мной никто не захлопнул, нет — просто придержали, пока я выхожу,

и закрыли с тихим щелчком.

Я поднялась со стула и вдруг вспомнила о бутылке. Дорогущее красное — я принесла его с собой в сумке-шопере, тайно надеясь на душевное прощание. На то, что посидим вот так, вдвоём, как бывало. Она нальет в те самые бокалы, и мы поговорим по-человечески: не как директор и сотрудник, а как две женщины, которые вместе прошли через многое.

Именно поэтому я пришла к концу рабочего дня, когда суэта утихает и коридоры пустеют.

— Антонина Петровна, спасибо вам за всё, — голос мой всё-таки дрогнул совсем чуть-чуть. Я неловко вытащила бутылку из шопера и выставила на стол между нами. — Это вам.

Петровна привстала в кресле. На секунду — только на секунду — что-то изменилось в её лице. В глазах мелькнуло живое и настоящее: то ли сожаление, то ли облегчение, то ли и то и другое сразу.

Но она была мастером — через мгновение взгляд снова стал ничего не выражающим.

— Соня, мне искренне жаль с тобой прощаться, — директор вышла из-за стола и, к моему удивлению, обняла меня коротко, по-деловому, но всё же. — Ты хороший профессионал. С тобой легко работать. Желаю тебе успеха.

На том и расстались. Тёплые слова, правильные слова и ни одного лишнего. Я шла по коридору с комом невысказанного в горле и никак не могла понять, что именно в нашем

разговоре меня удивило. Какая-то заноза. Слово, интонация, взгляд — что-то было, и я крутила это в голове так же, как Петровна крутила свои очки, но не могла нащупать.

В приёмной гудел принтер. Таня, молоденькая секретарша с неизменной кружкой в руке, протянула мне бланк заявления и тактично уткнулась в монитор.

Заявление об увольнении я писала с тупой болью, ныло где-то под рёбрами. Стержень скользил по бумаге легко, буквы выходили ровными, а в душе всё ощущалось смятым, как скомканный черновик.

Я прощалась с тем, что составляло добрую половину моей взрослой жизни. Со знакомым запахом аптеки — резковатым и насквозь родным. С моими девчонками, с вечным вопросом «Соня, ты в обед?» и ощущением нужности, которое давала работа — надёжным, как фундамент. С собой прежней.

Прощалась навсегда.

А можно ведь поступить по-другому?

Оставить все как было?

Ответ на этот вопрос Павел дал мне буквально через пару часов.

Глава 6. Одна навсегда

Дома я разбирала вещи.

Не хотелось брать много, только самое необходимое, то, что точно моё. Но огромный чемодан на колёсиках уже был набит до половины. Я понимала, что в конечном счёте возьму больше, чем планировала. Так бывает, когда уходишь из прошлой жизни без понимания будущей.

Павла я не ждала. Думала, что он уже переселился к своей Инге.

Но почему, собственно, я так решила? Нашу квартиру он посчитал своей. Скорее всего, его любовница со временем займёт моё место и здесь. Станет ходить по этому паркету, варить кофе на этой кухне, смотреть в это окно.

Услышала, как повернулся ключ во входной двери, потом звякнула связка о стеклянную вазочку на полке в прихожей. Жест мужа, привычный до рефлекса.

Я не вышла его встречать. Впервые за долгие годы осталась стоять у кровати, держа в руках стопку сложенных свитеров.

— Чем занимаешься?

Павел заглянул в мою комнату, где полным ходом шли сборы. Вещи я разложила на три кучи: «точно беру», «пригодится» и «хотелось бы». Последняя была самой маленькой. Я отвыкала от желаний постепенно, словно от дурной при-

вычки.

— Павел, я сегодня подала заявление об увольнении.

Он стоял в дверях, белая рубашка сверху расстегнута. От него тянуло дорогим одеколоном с горьковатой ноткой. Тем самым, который я ему подарила на мужской праздник.

А еще я почувствовала легкий запах алкоголя.

— Соня, брось эти глупости. Ты мне нужна, и ты это знаешь, — в его голосе звучала уверенность человека, который никогда не слышал слова «нет».

Он двинулся ко мне, и я не сразу поняла его намерения. А когда поняла, вспомнила, что на мне лишь легкий бирюзовый халатик — тонкий, почти невесомый, недавно из ванны, кожа еще хранила тепло воды и запах жасминового мыла.

— Ты с ума сошёл?!

Я попыталась сопротивляться, выставила руки, почти кричала, но он будто не слышал.

Павел с силой бросил меня на постель — пружины отозвались протяжным скрипом — и придавил сверху своим тяжёлым, отточенным в тренажёрном зале телом. Я чувствовала запах пота и этого ненавистного теперь парфюма.

Чем сильнее я сопротивлялась, тем больше он распалялся. И впервые за все эти годы мой собственный муж вызвал у меня только отвращение.

Острое, физическое, до тошноты.

Тогда я сменила тактику.

Перестала сопротивляться. Расслабила каждую мышцу,

обмякла, как тряпичная кукла в его руках. И сказала громко, отчётливо, с подчеркнутым спокойствием человека, которому это всё глубоко безразлично:

— Постарайся не пыхтеть так сильно. Мне, конечно, всё равно, но это немного неприятно.

Он не сразу понял, что произошло.

Несколько секунд тишины.

Только его прерывистое дыхание и где-то за окном — капли дождя по жестяному карнизу.

Я была уже без халатика, он валялся на полу, смятый бирюзовый лоскут.

Павел в расстегнутой рубашке и спущенных брюках тяжело дышал. Вдруг он остановился, будто кто-то выдернул вилку из розетки. Сел на край постели. Тяжело мотнул головой.

Посмотрел на меня — глаза налитые, тёмные, почти чёрные.

— Ты...

— Я не хочу тебя, — ответила я спокойно, свесила ноги с кровати и потянулась к халатику. — Просто чтобы ты знал.

— Ах ты...

Он вскочил, и кулак с глухим треском врезался в деревянную дверцу шкафа. Потом муж выбежал из комнаты. Я слышала, как хлопнула дверь в коридоре, как загремела посуда на кухне.

С мрачным удовлетворением отметила, что крепкий шкаф выдержал удар. Четырнадцать лет он стоял в этой ком-

нате, переживёт и это.

Потом мы сидели на кухне.

Флуоресцентная лампа над столом привычно чуть гудела. На столе стояли две кружки с остывшим чаем. Он налил их автоматически, по привычке, и мы оба не прикоснулись. Говорили, как два чужих взрослых человека, которым выпало вместе решить скучный юридический вопрос.

— Ты можешь подать на развод, но в этом городе тебя не разведут. Обещаю.

В его голосе больше не было прежней ленивой снисходительности. Только холод.

— Если ты не согласен на добровольный, то придётся через суд. Я к этому пока не готова, по деньгам. Но знаешь, штамп в паспорте мне сейчас не мешает. Может, даже в плюс пойдёт при новом трудоустройстве, — я сделала маленький глоток холодного чая. — У меня к тебе только один вопрос.

— Задавай.

— Твою Ингу Геннадьевну такое положение устроит? Когда она переедет в нашу квартиру и захочет оформить отношения — что ты ей скажешь?

Я сознательно обострила ситуацию. Мне уже нечего было терять, и я, наконец, могла позволить себе роскошь говорить прямо.

— Инга — не твоя забота! — он отрезал резко, точно хлопнул дверь.

— Конечно, твоя. Думаю, между нами всё ясно. И ва-

ши манипуляции с Алисой не прошли даром. Дочь остаётся здесь.

— Алиса тоже не твоя забота. Я смогу поддержать дочь.

— Уверена, что Алиса сама разберётся, чья она забота, и сделает выбор, — я поставила кружку на стол. — У меня к тебе просьба. Есть ещё три рабочих дня, мне нужно передать дела. Дай мне спокойно прожить эти дни и собрать вещи. Если возможно — не приезжай домой.

Павел опустил голову. Я знала эту привычку. Так ему легче думать, когда нужно принять решение, которое ему не нравится.

— Хорошо, — он помолчал. — Я дам тебе это время. Беспокоить не буду. Но ты съездишь к моим родителям и сама всё объяснишь. Не нужно перекладывать это на меня.

Условие было неприятным, но вполне исполнимым. Я выдохнула, первый раз за весь вечер по-настоящему.

Визит к свекру и свекрови оказался именно таким, каким я его и представляла: тяжелым, душным, полным недосказанного.

С коллективом мы расстались тепло. В последний рабочий день девчонки накрыли стол: принесли домашний пирог, шампанское в пластиковых стаканчиках и смеялись до слёз, вспоминая всякую рабочую ерунду. Я уходила с цветами, лёгким сердцем и пакетами подарков.

В этот день одна загадка нашла простое объяснение.

Я передавала свой небольшой, но уютный кабинет Лерочке. Девушка светилась от радости внезапного повышения, села в мое кресло. Я уже покидала комнату, когда Лера вдруг сказала:

— Жаль, что Антонина Петровна не смогла прийти.

— Не смогла или не захотела, — заметила я в пустоту.

И в этот момент Лерочка округлила глаза с тем особым выражением человека, у которого есть тайна, и он уже принял решение ее раскрыть.

— А вы не знали? Так, все говорят, что Снежин-старший, ваш свёкор, продвигал вашу кандидатуру на место директора вместо Антонины Петровны... Получается, только вы об этом не знали!

Я вышла в коридор с охапкой хризантем и чувствовала, как все встает на место. Последний кусочек мозаики, который лежал рядом.

«Жаль терять такого перспективного сотрудника», — сказала тогда Петровна. Перспективного. Я прокрутила это слово в голове еще раз.

Конечно. Она думала, что я в курсе игр моего свёкра.

Вряд ли Антонина Петровна поверила, что в семье Снежиных всё решают без меня. Решали. В прошедшем времени.

Я стояла на платформе одна, ждала скоростной поезд «Ласточка».

Под ногами блестел мокрый асфальт. Мелкий весенний дождь моросил почти без звука. Пахло влажным бетоном и молодой листвой от кустов сирени, буйно разрастающихся за железнодорожным полотном.

Алиса вызвалась меня проводить. Я отказалась сама, мягко, но решительно. Мне нужно было попрощаться с этим городом в одиночестве, без свидетелей.

Прощаться с прошлым. А дочь для меня всегда из будущего. Так и останется.

Я не отрекалась от прошлого. Я с ним прощалась спокойно, с уважением, как прощаются с тем, что было настоящим.

Двадцать лет я была счастлива в этом городе. У меня был муж, которого я любила. Здесь я родила дочь и слышала её первый крик. Здесь нашла работу, которая мне нравилась, и людей, которые делили со мною радости и невзгоды. Всё это было. И это было моим.

За всё спасибо, — повторяла я мысленно, глядя на мокрые рельсы, уходящие вдаль. — За всё.

Там, на железнодорожной платформе под мелким весенним дождём, я была совершенно уверена в одном: с любовью покончено. Всё, чего может желать женщина, у меня уже было и прошло. Больше не нужно.

Я не представляла счастливого будущего с мужчиной.

И в этом ошибалась.

Глава 7. Незнакомец

Москва встретила меня дождем — настоящим, злым, без предупреждения. Пока я выбиралась из вагона на перрон, он уже вовсю молотил по асфальту, поднимая мутные фонтанчики у бордюров. Крупные капли нашли дорогу за шиворот, и я втянула голову в плечи, прижимая к груди дорожную сумку.

— Запрыгивай! — муж сестры Василий вырос передо мной как добрый великан: широкоплечий, в мокром дождевике, с раскрытым зонтом наперевес. Он сунул мне зонт, не дожидаясь ответа, и в ту же секунду легко подхватил чемодан, будто тот был картонный. — Бегом, бегом, Соня!

Мы всё равно промокли. К джипу добрались за три минуты, но этого хватило. Джинсы липли к ногам, с волос текло. Я влезла на переднее сиденье и первые несколько секунд просто сидела, слушая, как дождь молотит по крыше. Дышала теплым, чуть запыленным автомобильным воздухом.

— Ничего, ничего, высохнешь, — Василий бросил чемодан в багажник и сел рядом, отряхивая рукава. По его щеке стекала дождевая капля, но он даже не заметил. Вот уж кто не обращает внимания на мелочи. — Главное, добралась.

— Главное, добралась, — согласилась я и вдруг почувствовала, как напряжение последних дней чуть отпускает. Самую малость.

Вася всегда был таким основательным, надёжным, без лишних слов. Он не спрашивал почему и зачем. Просто встретил, подхватил чемодан, раскрыл зонт. Я была рада, что встречал он один. Лена бы начала разговор прямо на перроне — в дождь, при всех.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.